

Е.В. Лебедева

**ФИНСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В XIX — НАЧАЛЕ XX вв.:
ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО
И СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ**

Статья подготовлена в рамках проекта,
поддержанного Фондом Герды Хенкель (Германия)

В данной статье на основе проведенных к настоящему времени исследований¹, материалов земской статистики и документов из фондов Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга рассматриваются некоторые аспекты социальных, экономических и этнических процессов, развивавшихся в среде финского крестьянского населения Санкт-Петербургской губернии на протяжении исследуемого периода.

Финские крестьяне оказались в составе населения Российской империи в XVIII в. Однако история появления финнов на территории Северо-Запада уходит корнями в предшествующие столетия². В 1617 г. по условиям Столбовского мира Ингерманландия (шведское название Ижорской земли) перешла от России к Швеции, в состав которой входила в то время территория Финляндии. На опустевшие вследствие ухода православного населения земли шведские власти переводили крестьян из внутренних областей Финляндии, освобождая их от несения военной службы и уплаты податей. Параллельно шло спонтанное переселение жителей из различных финских провинций Швеции³. В ходе Северной войны (1700–1721) территория Ингерманландии была возвращена России и стала заселяться крестьянами — «переведенцами» из других регионов страны, однако еще в 1730-е гг. финны составляли около 40 % крестьянского населения края⁴. В дальнейшем основной тенденцией в динамике численности финнов было снижение их доли в общем составе крестьянства губернии при росте абсолютных показателей: в середине XIX в. — около 70 тыс. человек, в 1897 г. — 107 006 человек (или 15,5 % сельского населения губернии), в 1920 г. — 120 388 человек⁵.

Для финских жителей Ингерманландии возвращение этой территории в состав Российской империи сопровождалось изменением социального положения, притом что род занятий подавляющего большинства из них остался прежним. Главным аспектом этого изменения явился переход в крепостное состояние. В период шведского господства финские крестьяне являлись лично свободными арендаторами на землях шведских помещиков. После основания в 1703 г. Санкт-Петербурга Петр I, привлекая дворян к переселе-

нию в новую столицу, щедро жаловал им как порожние, так и заселенные земли в Ингерманландии, так что за период с 1710 г. по 1745 г. по именным указам было роздано в вотчину 2 992 двора с населением 10 996 душ м.п. (по другим сведениям, помещикам в 1710–1743 гг. перешло 4 159 дворов и 11 231 душа м.п.)⁶, большую часть которых составляли финны. Второй по численности (после помещичьих) категорией стали дворцовые крестьяне (к примеру, только в ведомстве Царскосельского дворца оказались 33 «чухонские» деревни). Финны составили также основу особого разряда «комендантских» (находившихся в ведении коменданта Петропавловской крепости) крестьян, и лишь небольшая их часть принадлежала к категории государственных крестьян.

Второе важное изменение касалось смены формы землепользования, в значительной степени предопределявшей развитие социальных процессов в крестьянской среде. На территории Финляндии основной формой землепользования являлась участковая (т.н. торпы). Последствием присоединения к России явилось насаждение поземельной общины русского образца, характеризовавшейся систематическими переделами земли по количеству душ мужского пола и круговой порукой в несении повинностей, так что финские крестьяне оказались в условиях тройного закрепощения: государственного, частновладельческого и корпоративного, что обусловило отсутствие свободы передвижения, возможностей для социальной мобильности, права выбора занятий.

Процессы внутрисословной мобильности, социальной и имущественной дифференциации затруднялись прежде всего действовавшим в общине механизмом уравнительного перераспределения земли. Перемещения крестьян между имущественными группами, как и в русской деревне, в значительной степени были связаны с циклом развития семьи (в частности, с изменениями числа взрослых работников) и не приводили к выраженному социальному расслоению⁷. Препятствием к этому служило и относительно слабое развитие в финской деревне промысловой деятельности, являвшейся в столичном регионе основным фактором формирования крестьянских капиталов. Активным занятиям отхожими промыслами и территориальным перемещениям мешало, в частности, незнание русского языка. Современники указывали на привязанность к месту своего жительства как на характерную черту финского крестьянина. Так, например, автор военно-статистического обозрения Санкт-Петербургской губернии отмечал, что финн «всегда предпочитает домашние занятия посторонним промыслам и не отважится ходить в заработки; он для одного лишь базарного торго

оставляет курную свою избу и пускается в ближайший город, чтобы сбыть сельские свои продукты. Если же некоторые из чухон и отправляются для заработка в Петербург, Кронштадт и другие окрестные города, то обыкновенно берут на себя самые грубые и тяжелые работы (как, например, очистку сорных и других мест, чистку труб, копку льда и т.д.)»⁸. Действительно, существовал ряд занятий, практиковавшихся в столице именно финнами: к их числу принадлежала, например, основная часть петербургских трубочистов; традиционным элементом масленичных гуляний в столице были легкие извозчики на «финских» санях, которых называли «вейками» (от *фин.* «veikko» — парень, брат). Однако процент отходников среди финнов оставался незначительным.

В целом для финских крестьян в данный период были характерна потребительская трудовая этика и соответственно экономическое поведение минималистского типа, при котором основной целью хозяйственной деятельности являлся выход на уровень доходов, позволяющий уплатить подати и обеспечить насущные потребности. Происходивший в данный период в крестьянской среде переход к экономическому поведению максималистского типа, направленному на получение прибыли и приумножение собственности на основе рационализации трудовой деятельности и введения инноваций, происходил у финских крестьян в целом медленнее, чем у русского и в особенности немецкого сельского населения губернии, прежде всего в силу крайне неблагоприятных рамочных условий: основная масса финских крестьян проживала в мелких и средних частновладельческих имениях с барщинной формой эксплуатации (расположенных при этом в наименее пригодных для занятий земледелием, даже по меркам Северо-Запада, зонах Санкт-Петербургской губернии). Для таких имений был характерен повышенный уровень контроля и опеки со стороны землевладельцев, а также самая высокая в пределах губернии податная нагрузка (объем платежей, приходившихся на десятину земли), что в значительной степени препятствовало развитию хозяйственной инициативы крестьян. Хозяйство носило экстенсивный характер, в ходу были примитивные орудия труда, не эволюционировавшие на протяжении столетий, преобладала неглубокая обработка почвы, помимо традиционного трехполья, практиковалась и подсеčno-огневая система земледелия. Таким образом, в первой половине XIX в. финские деревни в целом уступали по уровню экономического развития не только находившимся в привилегированном правовом положении подстоличным немецким колониям, но и селениям русских крестьян.

Заданные правительственной политикой условия оказали значительное влияние на развитие не только социальных и экономических, но и этнокультурных процессов в среде финского крестьянского населения региона, а также в определенной степени и на характер межэтнических отношений.

Первый период сосуществования русских и финских крестьян региона ознаменовался многочисленными конфликтами. В их основе лежала установка на необходимость заселения приграничных земель русским православным элементом и обеспечение последнему приоритетных условий за счет ущемления экономических прав «ненадежного», с точки зрения российских властей, финского населения, в соответствии с которой был санкционирован перенос множества располагавшихся на данной территории финских деревень и сгон их жителей с обработанных участков на целину. Помимо этого, имели место многочисленные случаи самовольных захватов принадлежавших финнам земель русскими крестьянами-переведенцами. Пытаясь противодействовать этому, финские крестьяне не допускали переведенцев к их обработке, скашивали отошедшие в пользование последних луга, а в случае сопротивления со стороны русских, по свидетельствам российских чиновников, «не только бранились, но и дрались, а иным и головы проломали»⁹. Часть выселенных финских крестьян, которой не удалось восстановить свои хозяйства на новых местах, была отпущена на заработки в столицу, положив начало городской финской диаспоре.

На протяжении последующего периода существование финских крестьян в идентичных с русскими правовых, социально-экономических и природно-климатических условиях привело к стиранию различий между ними в сфере материальной культуры, где этноспецифические элементы со временем уступили место общерегиональным, а также к активному взаимовлиянию в сфере духовной культуры. Необходимо отметить, что религиозные права финского населения, оговоренные при заключении Ништадского мирного договора со Швецией в 1721 г., в полной мере соблюдались российскими властями. На территории губернии действовало более 30 финских лютеранских приходов, руководимых как местными, так и прибывавшими из Финляндии священниками, так что церковь в данном случае в полной мере могла играть свою роль как основной фактор сохранения национальной и культурной идентичности в условиях инонационального и иноконфессионального окружения. Тем не менее принадлежность финнов к лютеранству и связанная с этим специфика народных традиций не являлись препятствием к формированию в местах их тесного соседства с русским населением локальной культуры и местных обычаев, объединявших жителей русских и

финских деревень. Так, христианские праздники (Пасха, Рождество и т.д.) зачастую отмечались финнами дважды — по лютеранскому и совместно с соседями по православному календарю. При отправлении религиозных обрядов порой имело место соединение элементов, характерных для различных конфессий. Бывали и случаи формирования локальных обычаев на основе языческих верований, бытованию которых пытались противодействовать как лютеранские, так и православные священники¹⁰.

Говоря о субъективной готовности финнов к принятию в свою среду представителей других этносов, можно упомянуть о подходе к занятию «питомническим промыслом», заключавшемся в содержании крестьянскими семьями сирот из воспитательных заведений Петербурга. Финны, в отличие, например, от немецких колонистов, брали на воспитание детей независимо от национальности и вероисповедания. Часть из них впоследствии оставалась жить в финских деревнях и, фиксируясь в переписях как русские и формально оставаясь в православии, полностью ассимилировалась в финской среде. Они говорили по-фински, посещали лютеранскую церковь, где служба велась на понятном им языке, и фактически становились членами финских семей, наследуя имущество в случае отсутствия собственных детей. При этом финны отличали «питомцев» от собственно русских и называли их в быту «ольховые (т.е. ненастоящие) русские»¹¹.

Относительно итогов социального развития финского крестьянства к исходу дореформенного периода можно констатировать, что предусмотренное правительственной политикой вовлечение в систему существовавших на тот момент в стране административных, социальных и экономических структур и отношений, сопровождавшееся искусственным сдерживанием ряда социальных процессов, интенсивно шедших в аналогичный период в аграрном секторе Финляндии, привело к нарастанию несоответствий между социальной структурой материнского этноса и оторвавшейся от него в XVIII в. этнической группы.

Период буржуазных реформ 1860–1870-х гг. стал переломным этапом в истории финского крестьянства региона: наряду с обретением личной свободы он ознаменовался поэтапным отходом от навязанных в свое время государством форм хозяйствования, интенсивным развитием национальной культуры, ростом этнического самосознания. Необходимо, однако, подчеркнуть, что позитивные процессы последовали далеко не сразу после произошедшего в ходе реформ изменения рамочных условий. Напротив, для первых пореформенных десятилетий было характерно ухудшение социально-экономической ситуации в финской деревне, связанное в значи-

тельной мере с ослаблением внешнего контроля и в еще большей степени — с неблагоприятными исходными условиями, с которых финские крестьяне «стартовали» в новую эпоху: именно на барщинные земельные имения пришелся максимальный (в пределах губернии) объем «отрезков» (отрезанной в пользу помещиков крестьянской земли) и одновременно максимальный объем выкупных платежей в расчете на десятину земли.

В ситуации ослабления контроля со стороны помещика и государства сохранялись и законодательно поддерживались позиции крестьянской общины как важнейшего регулятора хозяйственной деятельности каждого отдельного двора. Вместе с тем исследования показывают, что сама община переживала в пореформенный период существенные трансформации, наиболее важной из которых являлось постепенное затухание распределительной функции и, следовательно, уравнительных механизмов. Эта тенденция к долговременному пользованию землей получила наиболее яркое выражение в финской деревне. Сразу после отмены крепостного права в большинстве общин губернии был произведен радикальный («коренной») передел земли. Впоследствии крестьяне ограничивались лишь «частными» переделами, в ходе которых основная часть надела не подвергалась изменениям. На смену принудительному севообороту приходило «пестрополье», при котором каждый крестьянин использовал свои пахотные угодья по собственному усмотрению. Отсутствие переделов было выгодно прежде всего тем, кто сумел сосредоточить в своих руках значительную часть общинной наделной земли. В «законном» порядке получить дополнительную долю из общинной земли было возможно, приняв на себя обязательство по уплате повинностей за соответствующее количество душевых наделов. Однако были и многочисленные случаи, когда этот принцип нарушался. К примеру, богатые крестьяне финской деревни Мертути Санкт-Петербургского уезда сразу после отмены крепостного права захватили земли у бедняков своего селения и соседней деревни Мотторово, воспользовавшись их неспособностью обработать своими силами все выделенные им полосы, и в течение нескольких десятилетий пользовались присвоенными участками, притом что все платежи по ним несли законные владельцы¹². Таким образом, уже в первые годы после буржуазных реформ в финской деревне установился практически подворный характер владения наиболее ценными угодьями, в разработку которых вкладывался труд семьи.

В пореформенный период усилилось влияние рынка на крестьянское хозяйство. Тем не менее это не привело к существенным изменениям в экономическом поведении финских крестьян. В отличие от немецких колони-

стов, которые реализовали товарные излишки, большинство финских (как и русских) крестьян в целях выживания выбрасывали на рынок часть необходимого продукта, порой подрывая производительные силы собственного хозяйства. Хлеб они продавали зачастую уже осенью, по минимальным ценам, а весной вынуждены были покупать его по максимальным, преимущественно в долг, в счет отработок. Молочные продукты, в том числе необходимые для пропитания семьи, также продавались по минимальным ценам посредникам («барышникам»), так как доставка небольших партий молока своими силами в город была нерентабельна. По количеству коров на хозяйство немцы существенно уступали финнам, однако продуктивность коровы в немецких колониях была в три раза выше в силу лучших условий содержания. В ситуации, когда возможности для экстенсивного развития молочного скотоводства, являвшегося основой благосостояния подавляющего большинства финских волостей, были исчерпаны, путь к повышению его уровня лежал через внедрение рациональных методов хозяйствования, однако этот процесс затронул лишь небольшую часть финских хозяйств. Описывая общую картину, наблюдатели отмечали, что крестьянский скот «худой, маломочный, непородистый, содержится грязно, кормится скудно, лишь постольку, чтобы не пасть с голоду»¹³. Попытки способствовать развитию рыночного хозяйства при помощи кредита, предпринимаемые земством, не принесли успеха: привыкшие к патерналистскому отношению со стороны помещика либо государства, крестьяне воспринимали кредит как безвозмездную помощь, которую тратили на потребительские нужды, вместо того чтобы, как это предполагалось, вкладывать в развитие хозяйства¹⁴. Ссудно-сберегательные товарищества, организованные земством в 1860-е гг. в финской (так же как и в русской) деревне, в большинстве своем разорились в течение нескольких лет (в отличие от таковых в немецких колониях).

В материалах многочисленных комиссий, создававшихся с целью выяснения причин наметившегося в пореформенный период упадка сельского хозяйства губернии, говорится об общих проблемах петербургской деревни без выделения русских и финнов в отдельные группы. В числе главных проблем (наряду с формальным сохранением общины, малоземельем, тяжестью налогов) члены таких комиссий неизменно упоминали о субъективных предпосылках развивавшихся негативных тенденций, указывая на недостаточно высокий образовательный и нравственный уровень крестьян.

В 1870-е гг. комиссия, созданная при Санкт-Петербургской губернской земской управе, поставила данный аспект во главу угла и предприняла по-

пытку объединить в целях воспитательного воздействия на крестьянство усилия местных органов управления и приходских священников, полагая, что «духовенство — это большая сила, через которую можно проводить в народ понятия нравственности и уважения человека к человеку»¹⁵. В ходе деятельности комиссии, однако, выяснилось, что работа с православными крестьянами в этом направлении затруднена тем, что они вообще редко посещают церковь, так что, по словам священников, «поучать почти некого». Финские крестьяне, как свидетельствовали пасторы, были гораздо более аккуратны в посещении служб, но желаемого воздействия на их повседневное поведение проповеди не оказывали¹⁶.

Общей для русской и финской деревни бедой, с которой пытались бороться представители земских органов и церковные деятели, было усилившееся в пореформенный период распространение пьянства. До отмены крепостного права в помещицкой деревне было запрещено устройство кабаков. После реформы, помимо открытия питейных заведений на законных основаниях, повсеместным явлением стала безлицензионная торговля спиртным. Проблема приобрела общественное звучание, так как крестьяне не только лишались в питейных заведениях всех своих средств, но и зачастую продавали многое из необходимого в хозяйстве, разорялись, и их содержание ложилось бременем на общину. Крестьяне осознавали пагубность этого пристрастия и наносимый им вред, но в ряду мер по борьбе с ним указывали прежде всего на необходимость ужесточения внешнего контроля и закрытия питейных заведений в праздничные дни.

С большой обеспокоенностью члены изучавших причины упадка деревни комиссий говорили о том, что появившаяся после отмены крепостного права свобода в выборе занятий и близость Санкт-Петербурга побуждали крестьян к сознательному отказу от тяжелого сельскохозяйственного труда даже при наличии достаточно благоприятных для этого условий.

С описанными выше процессами было связано и нищенство, ставшее во второй половине XIX в. бичом столичной губернии. Рост нищенства был следствием снижения роли пореформенной общины в обеспечении социальной защиты нетрудоспособных членов, вынужденных искать средства существования за ее пределами. Однако для многих оно становилось прибыльным промыслом. Как отмечали члены губернской комиссии по искоренению нищенства, созданной в 1866 г., среди нищих было много вполне здоровых и трудоспособных. В документах комиссии неоднократно упоминается о высокой доле среди нищих губернии местных финских крестьян.

В их числе была целая категория таких, которые, имея хозяйство, покидали деревню со всей семьей, нанимались на поденную работу на предприятия в окрестностях города, а жену и детей отправляли просить подаяние. Собранная милостыня тратилась на пропитание, а заработанные поденной работой средства по окончании срока найма увозились в деревню¹⁷. Впрочем, множество финнов занималось и «традиционным» нищенством, вызывая крайне негативное отношение к себе со стороны местных властей. «В С.-Петербургском уезде большее число нищих есть финны, — отмечалось в собранных губернской комиссией “Сведениях о нищенстве”, — которые, по врожденной своей лени и тунеядству, в большом количестве разбрелись по всему уезду для прошения милостыни, собирая которую днем, они пропивают ее вечером в питейных домах»¹⁸.

В первые пореформенные десятилетия наблюдалось значительное различие в отношении уровня экономического развития между основной частью местных ингерманландских финнов и крестьянами из Финляндии (а также родственными финнам в этническом и конфессиональном отношении эстонцами), активно переселявшимися в Санкт-Петербургскую губернию во второй половине XIX в. по причине земельного голода на родине. Эти переселенцы обладали приобретенным в условиях более высокоразвитых в аграрном отношении Финляндии и Прибалтики опытом ведения рационального хозяйства. При полном отсутствии материальной поддержки, беря в аренду болотные участки, в течение двух-трех лет они, благодаря четко отлаженной технологии освоения целины, выходили на уровень, позволявший приступать к уплате арендных платежей, а еще через некоторое время налаживали ориентированное на рынок хуторское хозяйство молочной специализации. Даже в самом отсталом в экономическом отношении Гдовском уезде переселенцы сразу вводили 4–5-польные севообороты, у каждой семьи в среднем было по 2 лошади и 3–4 коровы. К концу 1880-х гг. в губернии насчитывалось более 650 собственников из Финляндии и Прибалтики, купивших 57 тыс. десятин земли. Помимо этого, 45,5 тыс. десятин были арендованы переселенцами под хутора¹⁹.

Указанные различия между переселенцами из Финляндии и ингерманландскими финнами стали менее заметны к концу XIX в. На рубеже XIX–XX вв. в социально-экономическом развитии финской деревни Ингерманландии произошли существенные сдвиги, особенно ярко проявившиеся в ходе реализации аграрной реформы П.А. Столыпина, в результате которой именно финны составили основную часть крестьян, вышедших из общины

на хутора и отруба. Говоря о преопределивших эти сдвиги факторах, следует отметить, что, помимо изменения правового статуса крестьян и прекращения земельных переделов, пореформенный период ознаменовался новыми явлениями в этносоциальном развитии финской деревни Северо-Запада.

Прежде всего необходимо указать на активно шедший в последние десятилетия XIX в. процесс внутриэтнической консолидации. Финские крестьяне оказались на территории России задолго до окончания складывания финской нации и, соответственно, не были едины в этническом отношении. Две основные группы составляли эврейсет (переселенцы из прихода Эуряпяя, занимавшего северо-западную часть Карельского перешейка) и савакот (уроженцы области Саво в восточной Финляндии). Русские жители края называли представителей обеих этих групп чухонцами или маймистами («человек земли», «туземец»), не придавая значения имевшимся между ними различиям в сфере материальной (национальная одежда) и духовной (диалекты) культуры. В пореформенный период происходит постепенное вытеснение культуры эврейсетэ, стоявшей на более высоком уровне, культурой савакот, диалект которых, более близкий к собственно финскому, становится основой для общего языка. Уже к началу XX в. этнонимы савакот и эврейсет заменяются общим самоназванием «ингерманландские финны», подчеркивавшим обособленность этой группы от жителей Финляндии, обозначавшихся термином «суоми».

Еще одним важным аспектом этносоциального развития являлся активно протекавший в пореформенный период процесс восполнения социально-профессиональной структуры финского населения губернии, результатом которого стало формирование прослойки ингерманландской интеллигенции, представленной журналистами, писателями, поэтами и музыкантами, но прежде всего — школьными учителями, подготовка которых осуществлялась в открытой в 1863 г. учительской семинарии в с. Колпаны. Нужно отметить, что до реформ 1860–1870-х гг. в силу экономической слабости финской деревни, недостатка средств на содержание школ, отсутствия длительной традиции школьного образования в крестьянской среде на момент вхождения Ингерманландии в состав России обучение детей в финской деревне часто сводилось к двум-трем неделям занятий, непосредственно предшествовавшим конфирмации. Теперь же школа заняла полагающееся ей место как важнейший фактор сохранения культурной идентичности. Деятельность первого поколения национальной интеллигенции придала мощный импульс развитию этнического самосознания ингерманландских

финнов, ярким проявлением которого явилось выдвижение в начале XX в. требования национально-культурной автономии. Важную роль в этом процессе сыграла и активная позиция финской диаспоры Санкт-Петербурга (во второй половине XIX в. в столице проживало более 15 тыс. «финляндских уроженцев»), осуществлявшей просветительскую работу в среде ингерманландского крестьянства и являвшейся своего рода связующим звеном между населением Финляндии и Ингерманландии.

Общему культурному и национальному подъему сопутствовал прогресс сельского хозяйства, выразившийся в открытии в финской деревне сельскохозяйственных школ, организации земледельческих обществ (к 1912 г. их насчитывалось уже 12), снабженческих и сбытовых кооперативов, быстром увеличении численности построенных на рациональных началах и ориентированных на рынок хозяйств²⁰. При подведении в 1915 г. итогов столыпинской аграрной реформы восемь финских крестьян были названы «наиболее выдающимися сельскими хозяевами» губернии²¹. При этом в материалах Губернской землеустроительной комиссии подчеркивалось, что ни одно из финских хозяйств не относилось к категории крупных (при выходе на хутора и отруба их владельцы получили земельные участки в 7–18 десятин, до половины площади которых приходилось на болота). Успех был достигнут прежде всего «благодаря проявленной хозяевами инициативе, интересу к вопросам сельского хозяйства и старанию ввести в практику те или иные улучшения»²². Все названные хозяева выписывали специализированные журналы, пользовались консультациями инструкторов-агрономов, являлись активными участниками земледельческих обществ и победителями региональных сельскохозяйственных выставок.

Одновременно с повышением эффективности земледельческого труда на рубеже XIX–XX вв. значительные масштабы принял неземледельческий отход, увеличился диапазон промысловых занятий. Вместе с тем расширение границ Санкт-Петербурга и строительство железных дорог сделали для значительной части финских крестьян возможной работу в городском секторе экономики без смены места жительства, что вело к ускорению в среде ингерманландских финнов процесса урбанизации в такой форме, как проникновение в среду сельского населения характерных для города норм, образцов поведения, элементов материальной и духовной культуры. К концу XIX в. в финской деревне в целом уже отдавалось предпочтение приобретающимся в городе предметам массового производства и не имевшей этнических черт одежде жителей пригорода.

Таким образом, включение в систему российских правовых и социально-экономических отношений предопределило значительное отставание финских крестьян Ингерманландии от сельского населения Финляндии, где аграрная модернизация осуществлялась более высокими темпами. И лишь на исходе описываемого периода ингерманландские финны смогли приблизиться в отношении социально-экономического развития к своим бывшим соотечественникам — крестьянам Финляндии — и в определенной степени превзойти в данном отношении другие этнические группы сельского населения региона. При этом следует подчеркнуть тесную связь и взаимообусловленность социокультурных и экономических процессов, шедших в среде финского крестьянства Санкт-Петербургской губернии в XIX — начале XX вв.

¹ См., например: *Гадло А.В., Верняев И.И., Егоров С.Б., Чистяков А.Ю.* Этнографическое изучение Северо-Запада России. СПб., 2004; Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. М., 2003; Современное финно-угроведение. Опыт и проблемы. Л., 1990; Проблемы этнической истории и межэтнических контактов прибалтийско-финских народов. СПб., 1994 и др.

² Аакадемик А. Шегрен высказал мнение, что их переселение могло начаться еще после заключения Ореховецкого договора 1323 г., когда западная часть Карельского перешейка отошла к Швеции. См.: *Sjögren A.I.* Über die finnische Bevölkerung des St.-Petersburgischen Gouvernements und über den Ursprung des Namens Ingermanland. SPb., 1833. S. 4.

³ По мнению ряда российских и финских ученых, основная масса финских крестьян переселилась самостоятельно. См., например: *Шаскольский И.П.* Переселение финских крестьян в Ингерманландию в XVII в. // Население Ленинградской области: материалы и исследования по истории и традиционной культуре. СПб., 1992. С. 86.

⁴ По данным переписи 1732 г. из 58 979 душ о.п., составлявших население трех из четырех уездов Санкт-Петербургской губернии, 37,6 % приходилось на долю финнов, 24 — на долю ижор и около 27 % — на долю русских. См.: *Троицкий С.М.* О некоторых источниках по истории землевладения в Ингерманландии в первой половине XVIII века // Источниковедческие проблемы истории народов Прибалтики. Рига, 1970. С. 117–119.

⁵ См.: *Высочков Л.В.* Об этническом составе сельского населения Северо-Запада России (вторая половина XVIII–XIX вв.) // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования / сост. и отв. ред. Н.В. Юхнева. Л., 1989. С. 123.

⁶ *Троицкий С.М.* Указ. соч. С. 123.

⁷ Подробнее см.: *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): в 2 т. СПб., 2003. Т. 1. С. 128–129.

⁸ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Санкт-Петербургская губерния / сост. полковник Жуковский. СПб., 1851. С. 212.

⁹ *Индова Е.И.* Дворцовое хозяйство в России (первая половина XVIII в.). М., 1964. С. 78.

¹⁰ *Гадло А.В., Верняев И.И., Егоров С.Б., Чистяков А.Ю.* Указ. соч. С. 73–74.

¹¹ Там же. С. 22–24.

¹² Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. V. Крестьянское хозяйство в Санкт-Петербургском уезде. СПб., 1887. Ч. II: Очерк крестьянского хозяйства. С. 110.

¹³ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т. 36: Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1903. С. 40.

¹⁴ Там же. С. 53.

¹⁵ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГИА СПб.). Ф. 224. Оп. 1. Д. 171. Л. 16.

¹⁶ Там же. Л. 22 об.

¹⁷ ЦГИА СПб. Ф. 224. Оп. 1. Д. 19. Л. 3 об.

¹⁸ Там же. Л. 2.

¹⁹ Материалы по статистике народного хозяйства в Санкт-Петербургской губернии. Вып. 17. Частновладельческое хозяйство в С.-Петербургской губернии. СПб., 1895. С. 33.

²⁰ Прибалтийско-финские народы России / отв. ред. Е.И. Клементьев, Н.В. Шлыгина. М., 2003. С. 493.

²¹ ЦГИА СПб. Ф. 1782. Оп. 1. Д. 112.

²² Там же. Л. 20.